

ДАВИНА

Мое венчание с королем Эсмондом проходит в большом зале, украшенном белыми и красными коврами и того же цвета гирляндами. Гости толпятся в зале и выворачивают шеи, чтобы взглянуть на меня. Среди собравшихся я почти никого не знаю. Большинство — дворяне или сановники Огненных земель, которых я прежде никогда не видела. И которые меня не интересуют.

Грета и другие жители Бразании, которые оставались со мной до последнего, заняли места позади. Только Ане позволили стоять в первом ряду, потому что она должна присматривать за маленькой Уларой, после того как девочка разбросает цветы.

Моя камеристка Кларис идет за мной. Я не удивлена, что она догадалась об отношениях между мной и Леандром. Меня скорее удивило, что она заговорила об этом при всех. Но ее слова — правда, и все присутствующие это знали, так что я не видела смысла выставлять ее лгуньей.

Не оборачиваясь, я знаю, что Фульк и Леандр тоже идут за мной.

Впереди меня уже ждет Эсмонд. На нем белая рубашка, белые брюки и кроваво-красный пиджак. Зо-

лотая корона на голове почти сливается с волосами. За ним стоит священник.

При взгляде на духовника маска, которую я до сих пор с трудом удерживала, спадает. Последние недели я внушала себе, что до свадьбы еще далеко. Даже сегодня утром я говорила себе, что все хорошо, и церемония пройдет не так плохо, как я опасаясь.

Теперь я понимаю, что это не что иное, как ложь. Моя ледяная магия бушует во мне, и я со всей силой вцепляюсь в складки платья, чтобы она не просочилась сквозь пальцы. Мое дыхание прерывается, я не отрываю взгляд от духовника.

Когда бормотание вокруг меня становится громче, я замечаю, что остановилась.

— Принцесса, — шепчет Кларис, — вы должны идти дальше.

— Я... — *Вдох. Выдох:* — ...не могу.

Лед расплзается под моими ногами и показывает из-под пышных юбок. Еще никто не заметил, но...

— Ви, — бормочет шагнувший ко мне Леандр. — Все хорошо.

Я поднимаю глаза на него.

— Ничего не хорошо, — выдыхаю я почти беззвучно.

Он одаряет меня грустной улыбкой, от которой на сердце становится еще тяжелей.

— Я знаю. Но станет хуже, если ты сейчас повернешь назад. Мы так далеко зашли. Остаток пути ты тоже пойдешь. Я с тобой, Фульк и Кларис тоже.

Я не сдвигаюсь с места, и он кивает моему юному ритари, который галантно мне кланяется и протягивает руку. Когда я вкладываю свою ледяную ладонь в его руку, он только коротко вздыхает, но ничего не говорит.

— Сними туфлю, — шепчет Леандр.

Я не спрашиваю, почему должна это сделать, а просто делаю. Я настолько озабочена тем, чтобы сдерживать свою магию, что не могу думать ни о чем другом. Леандр опускается на колени и осторожно вытаскивает туфлю из-под слоев моего мерзкого свадебного платья. Прежде чем подняться, он ломает каблук. Перешептывающейся толпе он показывает причину моей задержки: испорченную туфлю. Присутствующие сразу успокаиваются.

— А теперь позволь Фульку вести тебя дальше, — шепчет он мне.

Я выскальзываю и из второй туфли. Под моими босыми ногами растекается еще больше льда, но я смело иду вперед, пока не оказываюсь рядом с Эсмондом. У меня не получается смотреть ему в глаза, но, взяв его за руку, я замечаю его дрожь. Он не раз упрекал меня в том, что я холодная, как труп.

Фульк исчезает, и я чувствую себя такой одинокой.

— Сегодня мы собрались здесь...

Голос священника, кажется, раздается издалека. Я лихорадочно хватаю ртом воздух, но все же ощущаю, что мучительно задыхаюсь. Увидев, что на высоких пестрых витражах медленно образуются ледяные цветы, я начинаю паниковать.

Сконцентрируйся!

Но на чем? Не на Эсмонде же и не на словах духовника о любви, верности и о славном будущем наших народов.

Эсмонд обхватывает мое запястье — так ему не приходится касаться моей руки.

— Прошу прощения, — выдыхаю я, но слышу в ответ только приглушенное ворчание.

Пламя свечей на алтаре за священником дрожит. Я судорожно пытаюсь запереть свою магию, но у меня не получается. Как и в те недели, когда Ле-

андр был в Бразании, мне хочется содрать кожу с тела, чтобы магия нашла выход наружу.

Если я отпущу магию... Не могу представить, что тогда произойдет. Я не могу управлять ею, ничего не контролирую, и здесь нет врагов, на которых я могу обрушить свою силу, как во время нападения на Бразанию. Я ранила столько людей. Также и тех, кто был важен мне. Да и в моей ситуации это ничего не изменит.

Духовник откашливается. Моргнув, я возвращаюсь в реальность.

— Вы должны повторять за мной, Ваше Высочество, — тихо предупреждает он.

Я не воспринимаю ничего из того, что он говорит. Паника внутри меня все возрастает, руки дрожат, и я сжимаю их в кулаки. Эсмонд морщится, заметив это.

Краем глаза я замечаю движение и поворачиваю голову. Леандр, который должен стоять за мной с Фульком, отвоевал себе место в переднем ряду, за Эсмондом, так что я его вижу. На его лице я распознаю такое же отчаяние, что бушует во мне, но, тем не менее, он ободряюще мне кивает.

Твердо глядя на Леандра, я повторяю слова священника, которые он снова читает для меня и которые я должна говорить Эсмонду.

— Перед лицом вашего Бога и моей Богини клянусь почитать и любить вас. Моя магия — доказательство нашей глубокой связи. До конца своих дней я буду вашей, в здоровье и болезни, в мире и войне. Я беру вас в мужа, дабы никакая сила в этом мире не разлучила нас.

Полная любви улыбка Леандра, которая на какое-то время даже изгоняет печаль из его взгляда, успокаивает мою магию и бешеное сердцебиение.

Затем следует фрагмент о верности и послушании, который я не могу произнести, даже если от этого будет зависеть моя жизнь.

— Святой отец, — говорю я, — пожалуйста, я... так волнуюсь, что... Мы можем перейти к концу?

— Ну, вообще-то...

— Давайте быстрее, — бормочет Эсмонд. — Пока я тут не замерз.

Духовник бубнит оставшийся текст, пока мы, наконец, не доходим до поцелуя, мысль о котором мне удавалось все это время изгонять из головы. До этого улыбка Леандра могла успокоить мою магию, но теперь магия с силой возвращается и бушует во мне. Эсмонд отнимает у меня руку и со вскриком отстраняется, когда моя рука становится еще холодней.

— Ваше Величество, — увещевает священник. — Вы *должны* ее поцеловать. Иначе брак может быть сочтен недействительным.

— Я уже один раз ее поцеловал, и ее магия пробудилась, — возражает Эсмонд. — С меня хватит! Этот проклятый холод меня заморозит! Вы этого не чувствуете?

— Возьмите себя в руки, — проникновенно просит священник. — Вы не можете древние традиции...

Эсмонд поднимает руку, и духовник умолкает.

— Брак действителен, с поцелуем или без него.

Священник хмурится.

— Он действителен только после закрепления.

Мое сердце пропускает удар, а потом возвращается в быстрый ритм. Думая, что поцелуй — это худшее, что меня сегодня ожидает, я совершенно забыла об *этой* части.

Я должна провести ночь с Эсмондом.

Стекла ближайших ко мне окон звенят от холода. Одной только мысли о том, что он ко мне прикоснется... Свечи на алтаре с шипением гаснут.

Я близка к тому, чтобы погрузиться в панику, когда мой взгляд падает на Улару в первом ряду. Она гордо держит уже пустую корзину из-под цветов и смотрит на меня так, словно я — настоящая богиня. Так же всегда смотрит на меня Фульк. Они видят во мне гораздо больше, чем есть на самом деле. Они уповают на меня, возлагают свои надежды. Надежды на мир и будущее без постоянных нападений земельцев.

Нельзя их разочаровывать.

Фраза, сказанная когда-то матерью, обретает для меня смысл: «Прежде всего, ты принцесса, и только потом — женщина». В моей жизни нет места личным чувствам.

— Мой король, — заставляю себя говорить и поднимаю уголки рта в улыбке. — Мы должны уважать традиции. Мне жаль, что моя магия выходит из-под контроля от сильного волнения. Я обещаю, что с вами ничего не случится.

Эсмонд медлит, затем наклоняется. Всего на мгновение он прикасается своими губами к моим, прежде чем отстраниться. Быстро, но и слишком долго. Я подавляю желание протереть рот тыльной стороной ладони. По крайней мере, в этот раз он не пытался засунуть свой язык мне в глотку.

Присутствующие зааплодировали, а я заставляю себя улыбаться, в то время как мечтаю спрятаться и очистить желудок.

Священник приказывает мне встать на колени. Корона, которую он, благословляя, надевает на меня, непривычно тяжелая.

— Да здравствует король Эсмонд! — кричит толпа. — Да здравствует королева Эйра!

Я улыбаюсь и машу рукой, как от меня ждут. Эсмонд тянется ко мне, но затем передумывает и идет по проходу без меня, пока люди славят его.

Его поведение глубоко задевает меня, и я остаюсь стоять как окаменелая. Ни один мужчина не оставит жену у алтаря. Это самое большое оскорбление, какое он нанес мне сегодня, но я не позволю себе этого не заметить! Если он думает, что я пойду за ним с опущенной головой как покорная женушка, то глубоко заблуждается.

Я поправляю пышные юбки и расправляю плечи, сходя с платформы без чьей-либо помощи. Когда я спускаюсь, Леандр встает рядом со мной и кланяется.

— Моя королева, — бормочет он грубым голосом, от которого у меня по коже бегут мурашки.

— Что ты имеешь в виду? — шепчу я и поднимаю руку, создавая едва заметное снежное дуновение, которое тут же стихает. Все-таки хорошо больше не подавлять свою магию, а уметь высвободить ее осознанно. Теперь, когда худшее позади, а Леандр рядом, мне это удастся. — Нужно ли мне показать жителям Огненных земель, на что способна их королева?

Леандр усмехается, отчего у левого уголка его рта становится видна ямочка. Клянусь Богиней, с каким удовольствием я бы сейчас ее коснулась!

Я подзываю Фулька. Сдержанным движением руки вызываю снежинки, оседающие на волосах и одежде моего ритари. Хихикая, подбегает Улара, для нее я тоже вызываю снег. Затем опускаюсь на корточки, касаюсь земли и превращаю ее в лед. Лед мгновенно распространяется до самого выхода.

Возгласы ликования, адресованные молодому королю, умолкают. Все присутствующие поворачиваются ко мне. Я концентрируюсь на пульсирующей в венах магии и посылаю ее через весь зал. Все огни и свечи гаснут. Зал освещен только солнцем, проникающим через частично замороженные окна.

Сверкающий снег сыпется с потолка, пока я шагаю по проходу как королева, которой теперь являюсь, сопровождаемая ближайшими соратниками, идущими по льду так же уверенно, как и я.

Эсмонд стоит у меня на пути и пялится с открытым ртом. Его лицо выражает смесь гнева и неверия, но я не позволю себя запугать.

— Если вы позволите, мой король, — шепчу я. — Мне срочно нужен свежий воздух.

Он торопливо уступает мне дорогу. Покидая зал, я поднимаю руку и щелкаю пальцами. Лед разлетается мельчайшими осколками и исчезает, словно его никогда не было.

ЛЕАНДР

Не знаю, как я выдержу остаток этого дня. Час следует за часом, и я не могу их остановить. Я вынужден беспомощно наблюдать, как женщина, которую я люблю, выходит замуж за другого. Ее должны поцеловать.

И мне приходится наблюдать, как он ее оскорбляет. Для меня не может быть ничего хуже, и у меня появляется желание осадить Эсмонда. Скорее всего, я бы так и сделал, если бы в Давине не нашлось гордости на нас обоих. Окруженная льдом и снегом, она идет по залу с поднятой головой. Я никогда не видел женщину, в которой сочеталось бы столько гордости и изящества, несмотря на то унижение, которое она только что испытала.

Чувства борются во мне. Гордость за то, что это я — тот, кому принадлежит ее сердце. Любовь к женщине, которую я желал еще до того, как узнал, кто она на самом деле. Гнев и ревность к Эсмонду, которому судьба подарила единственную женщину, к которой я что-то чувствовал.

Ревность нарастает с каждым часом и лишает меня разума.

Свадьба — шумный праздник, в котором дворяне и простые горожане принимают одинаковое уча-

стие. Вечером устраивается пир, сопровождаемый выступлением шутов и певцов. Давина сидит рядом с Эсмондом и мило улыбается, но не берет и куска со своей тарелки. Фульк и я стоим за ее тронем. Наверное, я единственный, кто заметил лед в бокалах гостей, сидящих ближе всего к Давине. К счастью, большинство из них настолько пьяны, что не обращают на это внимания.

После еды столы отодвигают в сторону, и гостей приглашают танцевать. То, что танец открывают новобрачные, является обычаем.

Эсмонд поднимается, однако он держит за руку одну из любовниц, которая сидела с другими женщинами всего через место от него. Я с усилием сглатываю. Эсмонд предусмотрительно не смотрит на Давину, потому что ее убийственного взгляда будет достаточно, чтобы его заморозить — так же, как оконные стекла и все напитки поблизости.

Фульк кидает на меня растерянный взгляд, когда Эсмонд ведет к танцевальной площадке свою любовницу, а дворяне хмурятся. Только другие его любовницы хихикают и пренебрежительно указывают на королеву, которая осталась одна на своем месте.

В два шага я оказываюсь прямо за тронем Давины и протягиваю ей руку.

— Давай вместе покажем им, как правильно танцевать? — шепчу я.

Льдисто-холодный блеск исчезает из ее взгляда, когда она нерешительно принимает мою руку. Я будто вижу, что происходит у нее в голове.

— Я твой ритари, — тихо напоминаю ей. — Это моя обязанность и привилегия — танцевать с тобой, если никто тебя не пригласил. И мне все равно, что об этом подумают другие.

Она одаривает меня едва заметной улыбкой, от которой мое сердце сбивается с ритма, и поднимается.

— Боюсь только, что не знаю движений, и в этом отвратительном платье не смогу хорошо двигаться.

Я веду ее под руку к танцевальной площадке, на которой Эсмонд скорее плохо, чем хорошо кружит свою любовницу.

— Мы сделаем как в Бразании, — бормочу я. — Помнишь?

Она кивает.

— Как я могла забыть? Это был вечер, когда я сказала тебе, что останусь.

И когда ты сделала меня счастливейшим человеком в мире.

— Тебе просто нужно мне довериться. Ты ведь доверишься, не так ли?

На ее губах снова проступает улыбка.

— Если не тебе, то кому?

Я притягиваю ее чуть ближе, пока наши бедра не соприкасаются, несмотря на мешающие юбки. Мы ждем на краю площадки, пока не начнут новую песню. Время от времени Эсмонд бросает на нас взгляд, который я не могу истолковать, но который адресован мне. Если он посмеет упрекнуть меня в том, что я пригласил его невесту на танец, я выскажу ему неприглядную правду.

Когда музыка стихает, королю, кажется, даже не приходит в голову подойти к своей законной жене — вместо этого он задерживается на танцплощадке со своей любовницей. Я могу лишь покачать головой, наблюдая за происходящим.

— Если бы мы танцевали хотя бы наполовину так же хорошо, как в Бразании, — шепчет Давина, пока Эсмонд и его женщина пронзают ее взглядами, — мы смотрелись бы куда лучше, чем эти двое.

— Об этом я и говорю.

Я воздерживаюсь от замечания, что двигаться хотя бы наполовину гармонично они смогут только на простынях.

Когда запевают новую песню, я веду Давину на танцевальную площадку. Ее взгляд мечется по сторонам, пока я не кладу палец ей на подбородок, и ей не приходится посмотреть на меня.

— Не беспокойся насчет других, — бормочу я. — Неважно, что они здесь. Сосредоточься на мне.

Из ее взгляда исчезает тревога, и она улыбается. Взяв ее за руку, я кладу другую руку ей на спину, притягивая ближе, пока она не касается своим гибким телом моего.

Правильная последовательность шагов тоже не знакома мне, но когда раздается музыка, я точно знаю, что мне нужно делать. Легким нажатием я даю понять, куда ей надо двигаться, и уже через несколько тактов мы находим свой ритм. Мы парим над залом, не отрывая друг от друга взгляда, словно никогда не делали ничего другого. Давина с легкостью повторяет мои шаги.

Один мотив следует за другим без перерыва. К нам начинают присоединяться другие танцующие пары, но мы не обращаем на них внимания. Я смотрю только на молодую женщину, которая с полным доверием позволяет мне вести себя и которая образует центр моей вселенной.

Я не хочу упустить ни секунды, пока могу быть с Давиной, не чувствуя себя при этом виноватым. И она тоже не просит остановиться. Мы продолжаем танцевать и погружаемся в наш собственный мир, в котором нет супругов или обязанностей.

Только когда кто-то хлопает меня по плечу, я просыпаюсь от всепоглощающего счастья и возвращаюсь в реальность. Рядом со мной стоит, хмурясь, Эсмонд.

Хотя он еще не открыл рот, я слышу исходящий от него запах вина. Взгляд его остекленевших глаз падает на жену.

— Я думаю, время пришло, — возвещает он с легкой запинкой.

— Время для чего? — спрашивает Давина.

— Чтобы мы ушли.

Я не могу сдержаться и сильнее сжимаю Давину в своих объятиях. Она цепенеет в моих руках и, когда выдыхает, перед ее лицом возникает ледяное облако.

Мое сердце неистовство бьется, пока я лихорадочно ищущу решение. Я не хочу ее отпускать, потому что знаю, что тогда произойдет. Одна мысль об этом снова заставляет ревность во мне вспыхнуть. Только знание, что я могу навредить нам обоим, если сейчас протараню лицо Эсмонда кулаком, заставляет меня колебаться.

Король протягивает Давине руку в приглашающем жесте. Музыканты перестают играть, а в зале становится так тихо, что можно услышать, как пищит мышь.

Все во мне кричит, чтобы не отпускать ее. Она держится за меня.

Когда Давина меня отпускает, мне хочется протянуть ее обратно, но я знаю, что у меня нет на это права. Боль, распространяющаяся в моей груди, когда она принимает приглашение Эсмонда, лишает меня воздуха. Эсмонд отдергивает руку и, вздрагивая, сует ее подмышку, после чего кивком головы велит Давине следовать за ним.

Она оборачивается ко мне, ее движения замедленны.

— Спасибо за танец, ритари.

Я заставляю себя склонить голову.

— К вашим услугам в любое время, моя королева.

Она опускает взгляд и отворачивается. Там, где она только что стояла, остается ледяной цветок.

Сопровождаемая поздравлениями от гостей и советами, королевская чета удаляется в свои покои, пока я, окаменев, остаюсь стоять посреди зала.

Я делаю вид, что не замечаю обеспокоенные взгляды Греты, Вальдура и других жителей Бразании. Но я их чувствую; они невыносимо жгут мою кожу, пока я стараюсь удержать контроль.

Как только за Давиной закрывается дверь, а музыканты продолжают играть на новый радостный лад, я разворачиваюсь и бросаюсь к столам. Хватаю два наполненных вином кувшина и кубок.

— Бери столько кувшинов, сколько сможешь унести, — велю я Фульку, оказавшемуся возле меня.

Его полный сомнения взгляд мечется от кувшинов с вином к моему лицу и обратно.

— Я не думаю, что это хорошая идея. Разве мы не должны караулить у ее двери и...

— О, нет! — рычу я. — Это могут сделать другие солдаты, но уж точно не я.

— Но мы ее ритари. Не должны ли мы?..

Я подхожу к нему так близко, что ему приходится отстраниться, и злобно смотрю на него.

— Никакой титул или обязательства не заставят меня провести ночь у проклятой двери в спальню Эсмонда.

Я не хочу слушать, что происходит за ней... Я не хочу представлять, как к Давине прикасается другой, видит ее чудесное тело и, возможно, извлекает из нее те же звуки, что я слышал недавно.

Я трясую головой, чтобы прогнать навязчивые образы, но у меня ничего не получается.

— Делай, что я сказал и неси кувшины в нашу комнату.

Без дальнейших разговоров я оставляю мальчика. Я почти выхожу из зала, когда Грета и Вальдур преграждают мне путь.